

Александр
Уфимов

УРСУЛА КРОУБЕР
ЛЕ ГУИН

НОВАЯ
АТЛАНТИДА

Урсула Кроубер Ле Гуин

“НОВАЯ АТЛАНТИДА”

Apocalypse

© Урсула Кроубер Ле Гуин

02.11.2000

© перевод И. Тогоева

12-13.08.2017

© оформление Alex-Rus

12-13.08.2017

© редактор Alex.Rus.UA

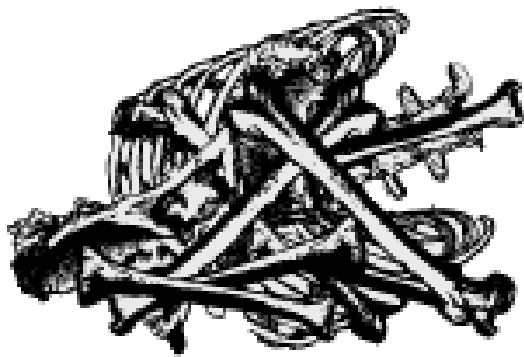

Apocalypse

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © BY URSULA KROEBER LE GUIN

Аннотация

Гениальная [Урсула Кроубер Ле Гуин](#) в своей антиутопии «Новая Атлантида» с впечатляющей реалистичностью описывает мир, на пороге которого мы все находимся. И этот мир уже не способен вернуть навсегда утраченное — целые материки исчезают в бездонных глубинах тьмы, а тотальная тирания и автократия успешно изничтожает агонизирующие общечеловеческие качества. Взамен, правда, распространяются упорные слухи о новых или же древних материках, которые якобы постепенно поднимаются из пучин морских, а заодно всячески пропагандируется культ жертвенности во имя «светлого будущего».

Ах да, слухи, агитация, пропаганда... «Слава труду!» «Мы за ценой не постоим» ... В этом мире злобы и лжи окончательно воцарились они — дорвавшиеся до власти ничтожества, причём даже в самом «оплоте демократии» — в США. Да, достаточно хорошо знакомую картину описывает писательница, ужасающе хорошо знакомую для всякого, кто пережил «совок» и ныне намерен пережить «переигрывающий всех и вся» «[руSSкий мирЪ](#)».

«Новая Атлантида» — актуальнейшее произведение из далёких 1970-х годов, ведь для читателя особенно важен именно наш мир, который практически перешагнул рубеж невозвращения катастрофического Парникового Эффекта, причём на фоне кроважбно-лукавого шествия [WW3](#) от апологетов Третьего Рима.

12-13.08.2017 © [Alex.Rus.UA](#) AKA [Alex-Rus](#)¹

---

1 Редакция 12-13.08.2017 антиутопии «Новая Атлантида» (автор [Урсула Кроубер Ле Гуин](#)) по теме [Apocalypse](#) на основе текстового файла (первичный редактор [HarryFan](#), [fenzin](#)) от 02.11.2000 г.. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

“НОВАЯ АТЛАНТИДА”

Когда я ехала домой после недели отпуска, проведённой в Диком Краю, моим соседом в автобусе оказался какой-то странный тип. Довольно долго мы молчали; я штопала чулки, а он читал. Потом, не доехав несколько километров до Грешема, автобус сломался. Закипел котёл. Вечная история, если водитель хочет выжать больше тридцати километров в час. Наше замечательное «транспортное средство» относилось к разновидности Сверхзвуковых Роскошных Паровиков Дальнего Следования и обеспечивало «поистине домашний комфорт», то есть там имелся туалет и сиденья были достаточно удобные, по крайней мере,² те, что ещё не успели полностью расшататься, поэтому все пассажиры остались дожидаться в автобусе; к тому же шёл дождь. Естественно, завязалась беседа — раз уж автобус сломался и теперь надо было ждать неизвестно сколько. Мой сосед выложил на колени свою брошюрку и молча барабанил по ней пальцами — он смахивал на ярого сторонника сухого закона, а пальцами барабанил, в точности как школьный учитель, ожидающий ответа нерадивого ученика, а потом вдруг изрёк:

— Интересно. Я вот тут читал, что из морских глубин поднимается на поверхность какой-то новый материк.

Мои синие чулки были явно безнадёжны. Всё-таки кроме дырок надо иметь хоть что-то, чтобы нитку цеплять.

— А в каком океане?

— Учёные пока точно не знают. Но большинство считают, что в Атлантическом. Кроме того, есть признаки, что нечто аналогичное происходит и в Тихом океане.

— А перенаселённость океанам случайно не грозит? Как там с плотностью населения? — съязвила я, в шутку, конечно. Я чуточку злилась, во-первых, из-за поломки автобуса, а во-вторых, из-за того, что изношенные вдрызг синие чулки когда-то были очень хорошими и тёплыми.

Он снова побарабанил пальцами по своей брошюрке, покачал головой и с самым серьёзным видом сказал:

— Нет, старые континенты опускаются на дно морское, уступая место новым. В этом легко можно убедиться.

Действительно, убедиться можно. Остров Манхэттен теперь даже при отливе ушёл под воду больше чем на три метра, а на площадях там устричные отмели.

— Я думала, что уровень океана повышается просто потому, что льды на полюсе тают.

Он снова покачал головой.

2 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Это лишь один фактор из многих. Вообще-то благодаря парниковому эффекту, вызванному загрязнением атмосферы, Антарктика действительно может сделаться обитаемой. Но одними лишь изменениями климата невозможно объяснить необходимость зарождения новых — или возможно, наоборот, обновления старых, древних — материков в Атлантическом и Тихом океанах.

Он что-то там ещё объяснял о движении материков, но меня увлекла мысль о заселении Антарктиды, и я совершенно размечталась, забыв о нём. Антарктида представлялась мне очень пустой, очень тихой, бело-голубой — лишь на севере слабое золотистое свечение от никогда не восходящего солнца, прямо за вздымающейся ввысь вершиной Эребуса³. Людей там было немного: все они тоже очень тихие, в белых галстуках и фраках; у некоторых в руках гобои и альты. На юге бело-голубая земля в безграничном молчании куполом поднималась к полюсу.

Словом, всё это было прямой противоположностью увиденному мной в Диком Краю, в окрестностях Маунт Худ⁴. Отпуск был скучный. Мои соседки по комнате сами-то по себе оказались ещё ничего, но на завтрак вечно кормили макаронами, и было слишком много всяких идиотских спортивных мероприятий. Я ещё до поездки предвкушала, как непременно доберусь до Государственного Лесного Заказника, самого большого из лесных массивов, ещё сохранившихся в США, но деревья там оказались вовсе не такими, как на открытках или в рекламных проспектах Федерального Бюро Красоты. Все они были какие-то худосочные, и на каждом красовалась бирочка с названием того профсоюза, который это дерево посадил. Гораздо чаще, чем деревья, там попадались зелёные столы для пикников и бетонные туалеты с соответствующими надписями. Кроме того, лес был обнесён колючей проволокой, по которой был пропущен электрический ток, чтобы предотвратить попадание на территорию заповедника посторонних лиц. Главный лесничий всё рассказывал нам о горных сойках, называя их «умными воришками», которые якобы «подбираются так близко, что выхватывают бутерброды прямо из рук», но я лично ни одной сойки не видела. Возможно, потому, что как раз был День Борьбы с Лишними Калориями — такие каждую неделю бывают, — обязательный для всех женщин, и никаких бутербродов у нас не было. Если бы мне попалась горная сойка с бутербродом в лапах, я бы, может, и сама его у неё выхватила. В общем, неделя выдалась страшно утомительной, и я по-настоящему пожалела, что не осталась дома, чтобы всласть поиграть на альте, даже если бы и потеряла при этом недельную зарплату: ведь сидение дома и игра на альте не считаются «запланированным отдыхом с осуществлением программы по восстановлению сил», как это определено Федеральным Советом Союзов.

Когда мои мысли вернулись из Антарктиды, я поняла, что всё ещё сижу в автобусе, а этот тип снова углубился в чтение. Я заглянула в его брошюру, и вот ведь что странно: брошюра называлась «Повышение эффективности

3 Эребус — действующий вулкан в Антарктиде на полуострове Росса (ориг. прим.)

4 вершина вулканического происхождения в Каскадных горах (система Кордильер) в Северном Орегоне; высота около 3400 метров (ориг. прим.)

преподавания в государственных бухгалтерских школах», и уже из того единственного абзаца, который мне удалось прочитать, я поняла, что там абсолютно ничего не говорится о новых материках, поднимающихся из морских глубин, — ни слова!

Потом нам всё же пришлось вылезти из автобуса и идти в Грешем пешком, потому что все порешили, что лучше уж добираться домой при помощи Системы Скоростного Общественного Транспорта Большого Портленда (ССОТБП), поскольку автобусное экскурсионное бюро в связи с невероятным числом аварий вряд ли способно прислать дополнительный автобус, чтобы довезти нас до пункта назначения. Идти пешком было очень мокро и очень скучно, мы немного развлеклись, только проходя мимо Общины Холодной Горы. Территория общины была обнесена стеной — от посторонних, — и над входом светилась большая неоновая вывеска **ОБЩИНА ХОЛОДНОЙ ГОРЫ**; по обочине шоссе прохаживались люди в настоящих джинсах и пончо, продающие туристам плетённые из бечёвки ремешки, подсвечники грубого литья и хлеб из соевой муки. Без двадцати пять я села в Грешеме на Сверхзвуковой Суперреактивный Паровик ССОТБП, доехала до двести тридцатой улицы, потом пешком дошла до двести семнадцатой, села на автобус, идущий до эстакады Гольдшмидта, и там пересела на маршрутку, но она тоже сломалась — тоже котёл закипел! — а потому я не успела на пересадку в центре вовремя и попала туда только в десять минут девятого. Автобусы отходят оттуда один раз в час, и последний ушёл в восемь. Я съела гамбургер с фальшивой котлетой в закусочной Лонгхорна под названием «Бифштекс в два пальца толщиной», села на девятичасовой автобус и домой попала уже около десяти. Я вползла в свою квартирку и автоматически скользнула пальцами по выключателю, но свет не зажёгся. Электричества по-прежнему не было, его отключили ещё недели три назад, причём во всём Вест-Портленде. В полной темноте я принялась искать свёчи, и прошло не меньше минуты, прежде чем я заметила, что на моей постели кто-то лежит.

Я пришла в ужас и снова, как дура, попыталась включить свет.

Это был мужчина, который лежал в странной, какой-то изломанной, позе — как мёртвый. Я уж подумала, что, пока меня не было, сюда забрался грабитель, лёг на постель и умер. На всякий случай я отворила входную дверь, чтобы успеть быстренько выскочить из квартиры или, по крайней мере, заорать так, чтобы слышали соседи; потом мне удалось на несколько секунд взять себя в руки и перестать трястись от страха, и я сумела наконец зажечь спичку, а потом и свечу. И тогда я подошла к кровати чуть ближе.

Свет потревожил его. Он всхрипнул и отвернулся. Я видела, что мужчина мне не знаком, но вроде бы узнавала и брови, и большие глаза под закрытыми тяжёлыми веками... и вдруг поняла: *это мой муж*.

Он проснулся, а я всё стояла над ним со свечой в руке. Он засмеялся и пробормотал сонным голосом:

— Психея! Край твой был когда-то Обетованною страной!⁵

Взрыва восторгов не последовало ни с одной стороны. Он появился неожиданно, к тому же действительно для него естественнее было бы быть там, чем там не быть; да и слишком он устал для бурных эмоций. Мы лежали рядом в темноте, и он объяснял мне, что его *выпустили досрочно, потому что он серьёзно повредил спину в каменоломне и начальство Исправительного Лагеря забеспокоилось, что ему может стать ещё хуже. Если бы он там умер, то за границей пресса тут же зашевелилась бы, потому что и так ходило достаточно гнусных слухов о болезнях и смертях в Исправительных Лагерях и больницах Федеральной Медицинской Ассоциации (ФМА); кроме того, зарубежные учёные достаточно наслышаны о Саймоне, поскольку кто-то опубликовал в Пекине его доказательство гипотезы Гольдбаха⁶. Ну вот они и выпустили его досрочно, с теми самыми восемью долларами в кармане, которые имелись у него при аресте, то есть ему всё вернули по справедливости. Домой от Кёр Д'Ален, штат Айдахо, он добирался то пешком, то на попутках; два дня провёл в тюрьме в Уолла-Уолла⁷ — арестовали за автостоп. Он совсем засыпал, рассказывая мне всё это, а когда наконец рассказал, тут уж заснул по-настоящему. Ему бы надо было переодеться в чистое и вымыться, но мне не хотелось его будить. Кроме того, я тоже очень устала. Мы лежали рядышком, его голова у меня на плече. Не думаю, чтобы когда-нибудь ещё я была так счастлива. Нет, пожалуй, это было не просто счастье. Это было нечто более широкое, непостижимое — как знания, как ночная тьма. Это был восторг.*

Темно было долго, страшно долго. Мы будто полностью ослепли. И вокруг царил Холод, безграничный, непреклонный, тяжёлый. Мы не могли пошевелиться, да и не двигались. И не говорили. Рты наши были закрыты, крепко-накрепко заперты Холодом и Давлением. И веки тоже были заперты крепко. А ноги словно перетянуты свивальником. Как и мысли. Сколько это продолжалось? Времени как бы не существовало — разве можно узнать, как долго длится смерть? И начинается ли смерть после жизни, или до своего рождения человек тоже мёртв? Конечно, мы думали — если вообще способны были думать, — что мертвы; но если мы когда-либо и были живы, то успели об этом забыть.

6 Christian Goldbach, Христиан Гольдбах (18.03.1690 г., Кёнигсберг, ныне переименованный после оккупации россиянами Калининград, — 20.11(01.12).1764 г., Москва) — немецкий математик. Окончил юридический факультет Кёнигсбергского университета, увлёкся математикой. Приехал в Российскую Империю в 1725 г.. Исполнял должность конференц-секретаря АН (1725-40 гг.); в 1742 г. перешёл на службу в Коллегию иностранных дел, переехал в Москву. Вёл регулярную переписку (1729-64 г.) с Л. Эйлером (швейцарский математик Leonhard Euler, 1707-83 гг.), в одном из писем (1742 г.) которому высказал гипотезу, известную под названием проблемы Гольдбаха: всякое целое число, большее или равное шести, может быть представлено в виде суммы трёх простых чисел; в ответ Эйлер заметил, что для решения проблемы достаточно доказать, что каждое чётное число есть сумма двух простых. В первых томах «Комментариев Петербургской АН» Х. Гольдбах напечатал 6 работ, из них две — о дифференциальных уравнениях и две, наиболее интересные, о бесконечных рядах. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

7 город в штате Вашингтон на границе со штатом Орегон (ориг. прим.)

Потом что-то изменилось. Должно быть, сперва чуточку изменилось давление, хотя мы об этом ещё не знали. Подсказали наши веки, очень чувствительные к таким переменам. Они, наверно, устали быть всё время закрытыми. И едва давление стало меньше, веки раскрылись. Но мы этого не заметили. Мы оцепенели от холода и не ощущали ничего. Да ничего и не было видно. Вокруг была тьма.

Но «потом», поскольку первое событие как бы породило время, породило понятия «до — после», «близко — далеко», «сейчас — потом», так вот «потом» возник Свет. Один огонёк. Один маленький, удивительный огонёк, который медленно проплыл на расстоянии — каком? мы не могли сказать. Маленький, зеленовато-белый, мерцающий огонёк. Светящаяся точка.

В этот миг, «потом», глаза наши конечно же были открыты, ведь мы увидели его. Мы увидели Мгновение. Мгновение — как световую точку. Во тьме ли или в море огня одно мгновение — это такая малость. Крошечная, медленно проплывающая точка. Ещё одно «потом» —⁸ и точка исчезает.

Нам и в голову не приходило, что одно мгновение сменится другим. Не было оснований предполагать это. Одно — уже достаточное чудо: в этой бесконечной тьме, в мертвящей, тяжёлой, непроницаемой черноте, безвременной, всепоглощающей, недвижной, единожды — случайно ли? — зародился крошечный, слабо мерцающий, движущийся огонёк. *Чтобы родилось время, нужен один лишь миг*, думали мы.

Но мы ошибались. Противопоставление «один — много» — основа нашего мира и его суть. Собственно говоря, это противопоставление и есть сам мир.

Тот огонёк вернулся.

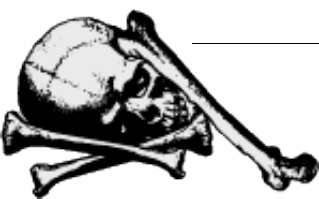
Тот самый или другой? Как отгадать?

Но «на этот раз» мы уже начали размышлять: *был ли этот огонёк маленьким и близким, или это большой огонь, видный издалика?* И снова ответа не было; но в том, как огонёк двигался, чувствовалась какая-то неуверенность, нерешительность, вроде бы совсем не свойственная предметам крупным и находящимся далеко. Например, звёздам. Теперь мы начинали вспоминать звёзды.

Звёзды раньше всегда двигались уверенно.

Возможно, их благородная уверенность объяснялась просто эффектом больших расстояний. Возможно, некогда они неслись, сталкиваясь друг с другом, — огромные осколки разорвавшейся первородной бомбы, сброшенной в космическую тьму; но время и расстояние смягчили беспорядочность их движения. Если Вселенная, что весьма возможно, возникла благодаря акту разрушения, то те звёзды, которые мы издавна привыкли видеть на небосклоне, ничего об этом не рассказывали. Они всегда лишь безмятежно сияли.

8 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А вот планеты... Мы уже начали вспоминать о планетах. На планетах время явно отразилось: изменился их облик, изменились орбиты. Марс, например, в определённые моменты года как бы поворачивает назад, движется меж звёздами вспять. Венера то сияет полным блеском, то утрачивает свою яркость и, проходя видимые нам фазы, то видна полностью, то исчезает. Меркурий вздрагивает, словно капля дождя, блеснувшая на небосклоне в лучах закатного солнца. Вот и у огонька, который мы сейчас видели, было что-то от дождевой капли — дрожащей, неверной. Мы точно заметили, как огонёк изменил своё первоначальное направление, двинулся вспять, потом стал меньше, слабее, мигнул — что-то его затмило? — и медленно исчез.

Медленно, но не так, как исчезают из поля зрения планеты.

Потом — уже третье «потом»! — явилось несомненное и абсолютное в полном смысле этого слова чудо, Чудо Света. Волшебный обман. Смотрите, теперь смотрите в оба, вы не поверите своим глазам, мама, мама, посмотри-ка, что я умею делать...

Семь огоньков в ряд молнией пронеслись слева направо. Потом — уже не так стремительно — проследовали справа налево за двумя менее яркими и более зелёными огнями. Два зелёных огня остановились, мигнули, вернулись назад и снова, колыхаясь как язычки пламени, метнулись слева направо. Цепочка из семи огоньков, увеличив скорость, помчалась следом и догнала их. Два зелёных огня отчаянно вспыхнули, замигали, затрепетали и исчезли.

Семь огоньков некоторое время повисели спокойно, потом слились в единую светящуюся полоску, которая поплыла куда-то совсем в другом направлении, и мало-помалу растворились в бездонной тьме.

Но вот уже в темноте возникают иные огни, *множество* огней: живые светильники, светящиеся точки, ряды и скопления огней — одни совсем рядом, другие далеко. Как звёзды, да, как звёзды, но вовсе не звёзды. И наблюдаем мы теперь не великое Бытие, а всего лишь чьи-то маленькие жизни.

Утром Саймон кое-что рассказал мне о Лагере, но сперва заставил меня облазить всю квартиру в поисках *подслушивающих устройств*. Я уж решила, что ему давали «модификаторы поведения» и в результате у него развилась паранойя. Раньше нам никогда «жучков» не ставили, да и вообще я полтора года жила одна — вряд ли им было интересно слушать, как я разговариваю сама с собой. Но он сказал:

— Возможно, они поджидали, пока я сюда вернусь.

— Но они же тебя сами отпустили!

Он стал надо мной смеяться, лежал и смеялся, и мне пришлось сунуть нос буквально в каждую щёлку, которая казалась нам подозрительной. «Жучков» я не нашла, хотя *бумаги в ящиках письменного стола явно лежали как-то не так, словно кто-то в них рылся, пока я отдыхала в Диком Краё.* Ну и пусть себе — всё равно основные записи Саймона хранятся у Макса. Я вскипятила на примусе чайник и приготовила чай, а потом остатками горячей воды немножко помыла Саймона и побрила его — у него отросла густая борода, и он мечтал от неё избавиться, потому что где-то в Лагере подцепил *вшей*. И пока мы всем этим занимались, он и рассказывал мне о Лагере. Вообще-то не так уж много он мне и рассказал, но много и не требовалось.

Он похудел килограммов на восемь. А поскольку до ареста он весил всего пятьдесят шесть, то осталось, пожалуй, маловато для того, чтобы начинать новую жизнь. Его коленки и суставы на запястьях выпирали из-под кожи как узловатые корни. Благодаря замечательной лагерной обуви ноги у него выглядели как изжёванные: ступни распухли, а пальцы были все в кровавых мозолях; последние три дня он вообще не решался снимать ботинки — боялся, что потом не наденет. Когда ему приходилось поворачиваться или садиться, чтобы я могла его обмыть, он от боли зажмуривался.

— Неужели я действительно здесь? — спрашивал он. — Неужели я *здесь*?

— Да, — говорила я. — Ты *здесь*. Но одного я понять не могу: *как ты сумел сюда добраться?*⁹

— О, это было совсем не так страшно, пока я двигался. И вообще, *главное — знать, куда идёшь; знать, что тебе есть куда пойти*. Понимаешь, у некоторых там, в Лагере, такого места не было. Даже когда их отпускали, им некуда было деться. А для меня главное было продолжать двигаться. Погляди, моя спина теперь, по-моему, почти в порядке.

Когда Саймону понадобилось встать и пойти в туалет, он двигался словно девяностолетний. Не мог выпрямиться и весь был какой-то искорёженный, скрюченный. Еле ноги волочил. Я помогла ему надеть чистое бельё. Когда он снова ложился в постель, с губ его сорвался хриплый стон — словно обёрточную бумагу разорвали. Я бродила по комнате, убирая разбросанные вещи, а он попросил меня подойти и сесть рядом и сказал, что утонет в моих слезах, если я не перестану плакать. «*Ты всю Северную Америку затопишь*», — сказал он. Я не помню, что он ещё говорил, но в конце концов заставил-таки меня рассмеяться. Очень трудно вспомнить, что именно говорит Саймон, но совершенно невозможно удержаться от смеха, когда он это говорит. Я так считаю вовсе не потому, что люблю его и восхищаюсь им. Просто он любого заставит смеяться. Я, правда, не уверена, что он к этому так уж стремится. У этих математиков вообще всё не как у людей. Но Саймону приятно, когда ему кого-то удаётся рассмешить.

Было странно — тогда и сейчас — думать вот так о «нём», ведь это был тот самый человек, которого я знала уже десять лет, тот же самый, и вот теперь «он» лежал там, изменившись до неузнаваемости, словно

превратившись в кого-то иного, в «него». По-моему, этого вполне достаточно, чтобы понять, почему в большинстве языков есть понятие «душа́». У смерти несколько стадий, и время не щадит нас, заставляя пройти их все. И всё же что-то в человеке всегда остаётся неизменным — вот для этого и требуется слово «душа́».

Я наконец сказала то, что была не в состоянии выговорить целых полтора года:

— Я боялась, что они устроят тебе *промывку мозгов*.

— Модификация поведения — вещь дорогая, — ответил он. — Даже одни только лекарства. Это они в основном для важных персон приберегают. Но боюсь, они в конце концов почуяли, что и я могу оказаться важной персоной. В последние два месяца меня без конца допрашивали. О моих «контактах с заграницей». — Он фыркнул. — Думаю, их интересовали опубликованные там мои работы. Вот я и намерен вести себя осторожно, чтобы быть уверенным, что в следующий раз попаду снова в лагерь, а не в Федеральный Госпиталь.

— Саймон, они были... это жестокие люди или просто блюстители закона?

Некоторое время он не отвечал. Не хотел отвечать. Он знал, понял, о чём я спросила. Знал, на какой тонкой нити висит,¹⁰ подобно дамоклову мечу над нашими головами,¹¹ Надежда.

— Некоторые — да! ... — запинаясь, выговорил он наконец.

Некоторые из них действительно были людьми жестокими. Некоторые из них наслаждались своей работой. *Нельзя во всём винить общество.*

— Заключённые тоже, не только охрана, — сказал он.

Нельзя во всём винить врага.

— Некоторые, Бэлл, — сказал он с нажимом и взял меня за руку, — только *некоторые*; там были такие люди... просто *золотые* люди...

Нить крепка; одним ударом её не перервёшь.

— Что ты в последнее время играла? — спросил он.

— Фореста, Шуберта¹².

— У вас по-прежнему квартет?

— Теперь трио. Дженет уехала с новым любовником в Окленд.

— Ах, бедняга Макс.

10 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 Форест Жан Курт (р. 1909) — немецкий композитор; Шуберт Франц (1797-1828) — австрийский композитор-романтик (ориг. прим.)

— Получилось ничуть не хуже, правда. Пианистка она не очень хорошая.

Невольно мне тоже удалось рассмешить Саймона. Мы болтали и болтали, пока я не начала опаздывать на работу. Моя смена, с тех пор как в прошлом году был принят Закон о Всеобщей и Полной Занятости, продолжалась с десяти до двух. Я контролёр на недавно вновь запущенной фабрике, выпускающей бумажные пакеты. Пока что мне не удалось обнаружить ни одного негодного пакета: электронный контролёр отлавливает их раньше меня. Такая работа нагоняет жуткое уныние. Но всего-то — четыре часа в день; куда больше времени требуется, чтобы тебя квалифицировали как безработную — надо каждую неделю добираться туда на многочисленных видах транспорта, проходить физическое и психическое обследование, заполнять разнообразные анкеты, беседовать с целой кучей советников и инспекторов из Охраны Общественного Благосостояния, а потом — каждый день! — выстаивать за талонами на питание и пособие по безработице. Саймон решил, что мне всё же следует, как обычно, пойти на работу. Я и попыталась это сделать, но не смогла. Он был такой *горячий*, когда я поцеловала его на прощание. Поэтому вместо работы я отправилась добывать *подпольного врача*. Одна девушка с нашей фабрики дала мне этот адрес на случай, если понадобится сделать аборт и не захочется после него целых два года глотать секс-депрессанты, которыми федеральные медики кормят тебя после того, как дадут разрешение на операцию. Эта докторша работала помощницей продавца в ювелирном магазине на Алдер¹³-стрит, и моя знакомая с фабрики сказала, что *это очень удобно: если не хватает денег, всегда можно оставить в залог у ювелира какую-нибудь драгоценность*. Денег ведь вечно не хватает, а уж кредитные карточки, разумеется, стоят на чёрном рынке сущую ерунду.

Докторша выразила желание немедленно посетить больного, и мы с ней вместе поехали на автобусе. Она очень скоро догадалась, что мы с Саймоном женаты, и было очень смешно видеть, как она рассматривает нас и по-кошачьи улыбается. Некоторым нравится любое нарушение закона — просто так, из любви к искусству. Чаще мужчинам, чем женщинам. Именно мужчины создают законы и внедряют их, они же их и нарушают, и думают, что всё это вместе — игра просто замечательная. Большинство женщин, пожалуй, предпочли бы не обращать на законы внимания. Похоже, что этой врачихе, как и мужчинам, действительно нравилось нарушать законы. Возможно, любовь к приключениям и жажда острых ощущений и заставили её некогда заниматься делом незаконным. Но существовала, безусловно, и более веская причина: эта женщина ещё и очень хотела быть врачом. А Федеральная Медицинская Ассоциация не допускает женщин в медицинские учебные заведения. По всей вероятности, свои знания и практику она получила подпольно, в качестве частной ученицы. Примерно тем же способом Саймон изучал математику — ведь *в университетах теперь готовят только менеджеров, специалистов по рекламе и средствам массовой информации*. Однако эта женщина на врача выучилась, и, похоже, дело своё она знала

13 В оригинале так и было некое «Алдер», т. е. либо опечатка (если подразумевается «Adler», т. е. «Адлер»), либо неправильная транскрипция (если подразумевается «Alder», т. е. «Ольха», в транскрипции «Олдер»). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

неплохо. Она сделала, и весьма искусно, что-то вроде передвижного кресла для Саймона и сообщила ему, что *если в течение следующих двух месяцев он вздумает передвигаться самостоятельно, то на всю жизнь останется калекой, а если будет вести себя как следует, то будет всего лишь немного прихрамывать*. Такие перспективы радости обычно не вызывают, но мы оба очень обрадовались и стали её благодарить. Перед уходом она дала мне бутылочку с двумя сотнями простых белых таблеток. Этикетки не было.

— Аспирин, — сказала она. — У него ещё месяца два будут появляться сильные боли.

Я смотрела на бутылочку во все глаза. *Никогда раньше я не видела аспирина,* только Сверхнейтрализующий Болеутолитель или Тройной Анальгетик, или ещё Супер-Апансприн; во все эти лекарства входил некий «*чудесный ингредиент*», который настойчиво рекламировали врачи из ФМА; они всегда прописывали именно эти средства, продающиеся в государственных аптеках только по рецепту с их печатью, чтобы избежать происков конкурентов.

— Аспирин, — повторила докторша. — Тот самый «*чудесный ингредиент*», который славят все докторы.

Она снова улыбнулась как кошка. Думаю, мы нравились ей именно тем, что жили во грехе. Эта бутылочка аспирина с чёрного рынка стоила, наверное, гораздо дороже, чем старинный браслет индейцев навахо, который я всучила ей в качестве оплаты.

Я снова вышла из дому, чтобы зарегистрировать Саймона как временно проживающего на моей жилплощади и подать от его имени заявку на пищевые талоны — пособие для Временно Нетрудоспособных. Выписывают их только на две недели и приходить отмечаться нужно ежедневно; но чтобы зарегистрировать Саймона как Временно Нетрудоспособного, мне пришлось бы доставать подписи двух врачей из ФМА, а я решила, что лучше пока с ними не связываться. На транспорт, на стояние в очередях, на добычу формуляров, которые Саймон должен был заполнить собственноручно, а также на то, чтобы ответить на бесконечные вопросы различных «чинов» по поводу неявки самого Саймона, ушло три часа. Кое-что они, похоже, *учуяли*. Конечно, трудноато доказать, что два человека именно женаты, а не просто невинно сожительствуют, если они то и дело переезжают с места на место, а друзья помогают им, регистрируя то одного, то другого как временно проживающих. С другой стороны, безусловно имеется полное досье на каждого из нас, и совершенно очевидно, что мы с Саймоном пребываем в неизбежной близости друг от друга подозрительно долго. Государство и впрямь само себя ставит в трудное положение. Было бы, наверное, куда проще восстановить законность брака, а адюльтер признать тем, что всегда влечёт за собой неприятности. Тогда им стоило бы всего лишь однажды поймать вас за прелюбодеянием — и достаточно. Впрочем, я готова поклясться, что и тогда люди нарушали закон так же часто, как они это делают теперь, когда адюльтер — вещь вполне законная.

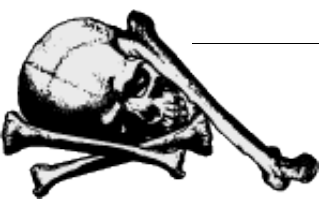
Светящиеся существа наконец приблизились настолько, что мы могли видеть не только исходящий от них свет, но и их телá. Хорошенькими эти существа назвать было трудно. Тёмного цвета, чаще всего тёмно-красного, они состояли практически из одного лишь рта. И проглатывали друг друга целиком. Один огонёк поглощал другой, а потом оба они исчезали в огромной пасти тьмы. Светящиеся существа двигались медленно — ничто здесь, каким бы маленьким и голодным оно ни было, не могло бы двигаться быстрее при таком страшном давлении и леденящем холоде. Глаза существ, круглые будто от страха, никогда не закрывались. Телá их были непропорционально маленькими и хрупкими по сравнению с зияющими отверстиями пастьми. На губах и головах они носили какие-то странные и довольно безобразные украшения: бахромой свисающие чёлки; зазубренные мясистые серёжки, похожие на птичьи; перьевидные листья каких-то растений; безвкусные побрякушки, браслеты и прочую завлекательную дребедень. Бедные маленькие агнцы с глубоководных пастбищ! Бедные разряженные в лохмотья карлики с кривыми челюстями, стиснутые до хруста костей тяжестью тьмы, до костей промёрзшие в холодном мраке, крошечные чудовища с глазами, светящимися голодным блеском, — ведь это *они вернули нас к жизни!*

Временами в слабом неровном свечении то одного, то другого крошечного существа нам удавалось мельком разглядеть иные, крупные и неподвижные формы; мы предполагали, разумеется делая скидку на расстояние, что это не то стена, не то... нет, нечто не столь крепкое и надёжное, как стена, но всё же поверхность чего-то, какой-то угол... А может, нам всё это только казалось?

Или вдруг где-то в стороне или далеко внизу слабо вспыхивал и затухал, мерцая, какой-то свет. Нечего было и пытаться определить, *что* это такое. Возможно, всего лишь крупницы осадочной породы, тина или блёстки слюды, потревоженные борьбой вечно голодных светящихся существ; эти частички, сверкающие как алмазная пыль, то взлетали вверх, то медленно опускались в придонные глубины. Так или иначе, но двинуться с места, чтобы посмотреть, что же это такое, мы не могли. Мы ещё не были столь же свободны, как светящиеся существа в их холодной стихии, в их примитивной жизни-борьбе. Мы были насильственно обездвижены, сдавлены со всех сторон — всё ещё тени среди полуугаданных теней-стен. Да и были ли мы там?

Светящиеся существа вроде бы вовсе нас не замечали. Они проплывали перед нами, между нами, может быть, даже сквозь нас — утверждать невозможно. Они не боялись, но и любопытства не проявляли.

Однажды нечто, чуть больше человеческой ладони, извиваясь, приблизилось к нам, и на какой-то миг в свете извивающегося существа, покрытого целым лесом каких-то перьев, усыпанных маленькими голубоватыми капельками огня, мы совершенно отчётливо увидели чистых очертаний угол здания в том месте, где стена его поднимается от мостовой. Мы увидели мостовую и всю стену целиком, встающую над мостовой, — пронзительной чёткости линии, как бы противопоставленные всему

окружающему, такому изменчивому, беспорядочному, лишённому границ и смысла. Мы увидели, как когти светящегося существа медленно распрямились, словно крошечные скрюченные пальчики, и тронули стену. Его оперение дрожащим световым шлейфом проплыло мимо и исчезло за углом здания.

Итак, мы узнали, что там есть стена; может быть, внешняя стена здания, его фасад, или боковая стена одной из городских башен.

Мы *вспомнили* эти башни. Мы *вспомнили* этот город. Мы давно уже забыли об этом. Давно уже забыли, кто мы такие. Но город теперь мы вспомнили.

Когда я наконец попала домой, агенты ФБР там уже, разумеется, побывали. Компьютер того полицейского участка, где я зарегистрировала Саймона, должно быть, сразу же передал информацию о нём компьютеру ФБР. Примерно в течение часа они расспрашивали Саймона про то в основном, чем он занимался те двенадцать дней, что якобы добирался из Лагеря в Портленд. Они, наверное, думали, что он успел слетать в Пекин или ещё куда-нибудь подальше. Поскольку у Саймона имелась справка из полиции в Уолла-Уолла по поводу ареста за автостоп, это помогло как-то доказать, что он говорит правду. Саймон сказал, что *один из агентов заходил в ванную*. Ну и, разумеется, я *обнаружила «жучок» на верхней планке дверной рамы*. Я его не тронула; мы решили, что лучше знать, где он стоит, и оставить его там, чем содрать и потом постоянно быть не уверенными насчёт того, что нам не поставили другой, только неизвестно где. Саймон сказал, что *если нам так уж захочется сказать что-нибудь непатриотичное в ванной, то всегда можно одновременно спустить в унитазе воду*.

У меня был приёмник на батарейках — в доме вечно что-нибудь не работает из-за отключённого электричества, а ведь случается, что по радио объявляют, что воду, например, можно употреблять только кипячёную или ещё что-нибудь в этом роде, — так что действительно просто необходимо иметь радиоприёмник, а то и об эпидемии тифа вовремя не узнаешь, так и помрёшь. И вот Саймон включил приёмник, а я тем временем готовила на примусе ужин. В шесть вечера комментатор Эй-эй-би-си в передаче последних известий сообщил, что в Уругвае вот-вот будет достигнут мир, что первый помощник господина президента был замечен улыбающимся какой-то прохожей блондинке на 613-й день тайных переговоров, когда он покидал виллу в пригородах Катманду, где эти переговоры ведутся; война в Либерии успешно развивалась: согласно сообщениям противника, сбиты семнадцать американских самолётов, но Пентагон заявил, что мы сбили двадцать два их самолёта, а столица Либерии — забыла, как она называется, но это не важно, так как в последние семь лет она необитаема, — вот-вот вновь будет захвачена силами борцов за свободу. Полицейский рейд в Аризоне также прошёл успешно. Необерчистские¹⁴

14 общество Джона Берча — ультраконсервативная организация в США, названная в честь капитана ВВС США Д. Берча (ум. в 1945) (ориг. прим.)

инсургенты в Финиксе¹⁵ не смогут продержаться слишком долго, уступая массированным ударам американской армии и ВВС, поскольку подпольные поставки им тактического ядерного оружия, осуществляемые метеорологической службой Лос-Анджелеса, удалось пресечь. Затем последовало объявление насчёт федеральных кредитных карточек и спецреклама Верховного Суда: «Не заботьтесь о соблюдении закона сами, доверьте свои дела Девяти Мудрецам!» Потом рассказывали о том, *почему тарифы вновь выросли*; затем был репортаж с фондовой биржи, которая только что закрылась, поскольку индекс перевалил за две тысячи пунктов; затем последовала рекламная передача по заказу правительства США о преимуществах консервированной воды — дурацкая песенка с весьма прилипчивой мелодией:

Пиво пьёшь — не огорчайся,
Ведь здоровья не вернёшь.
Так что лучше постарайся
Пить бросающую в дрожь
Замечательную воду
Из жестянки с маркой ГОС —
И поднимешь выше хвост!

И бодрый призыв: «Пейте самую свежую, самую холодную на свете консервированную воду, выпускаемую государственными предприятиями США!» Песенку исполняли три сопрано, которые довольно удачно слились в последних тактах. Потом, когда батарейка в приёмнике уже начала садиться и голос диктора стал замирать где-то вдали, подобно слабому шёпоту, объявили о том, что *со дна океана поднимается новый континент*.

— Что там такое?

— Я не расслышал, — сказал Саймон; он лежал с закрытыми глазами, бледный и весь в испарине. Перед ужином я дала ему две таблетки аспирина. Он поел совсем мало и уснул, пока я мыла в ванной тарелки. Вообще-то я намеревалась после ужина немного поиграть, но алыт в однокомнатной квартире и мёртвого разбудит. Поэтому я взамен решила почитать. Это был какой-то бестселлер, который перед отъездом дала мне Дженет. Она считала эту книгу очень хорошей, но о вкусах не спорят, ей и Ференц Лист¹⁶ тоже

15 административный центр штата Аризона (ориг. прим.)

16 Franz Liszt, Ференц (Франц) Лист (22.10.1811 г., Доборьян, близ г. Шопрон, Венгрия, — 31.07.1886 г., Байрёйт, Германия) — венгерский композитор, пианист, дирижёр, педагог, музыкальный писатель, общественный деятель. Расцвет творческой деятельности связан с Ваймаром. Представитель романтизма, главная тема творчества — борьба человека за высокие идеалы, стремление к свободе и счастью. Известен как пианист-виртуоз, с триумфом гастролировал по Европе. В публицистических сочинениях выступал за прогрессивное начало в искусстве, против академизма и рутины Ляйпцигской школы, в противовес которой объединившиеся вокруг Листа музыканты образовали Ваймарскую школу. Пессимистические настроения привели композитора к религии, он принял сан аббата. До конца жизни продолжал бесплатные занятия с учениками, воспитал

нравится. Я мало читаю с тех пор, как *позакрывали библиотеки*, — слишком трудно стало доставать книги, а купить можно только бестселлеры. Я даже не помню, как эта книжка называлась, там во всю обложку была надпись: «Тираж — 90 миллионов!» Речь шла о сексуальных похождениях жителей маленького городка в прошлом, двадцатом веке, в милые сердцу семидесятые, когда ещё не существовало никаких проблем и жизнь была такой простой, что воспоминания о ней вызывали приступ ностальгии. Автор постарался на славу и выжал всё самое отвратительное и завлекательное из того элементарного факта, что все главные герои его произведения состояли в браке. Я заглянула в конец и узнала, что женатые и замужние герои романа просто-напросто перестреляли друг друга после того, как их детишки один за другим превратились в шизоидных подонков и проституток. Исключение составила одна славная парочка, которая оформила развод, а потом нырнула в постель вместе с другой не менее славной парочкой ясноглазых государственных служащих — законных любовников, разумеется, — что сулило страниц восемь здорового группового секса и предвещало зарю *светлого будущего*. Захлопнув книжку, я тоже легла спать. Саймон был горячий, но спал спокойно. Его дыхание напоминало шум несильных морских волн, набегающих на далёкий-далёкий берег, и под этот аккомпанемент я погрузилась в тёмную пучину океана.

Когда я была ребёнком, то, засыпая, часто погружалась в эту тёмную пучину. В своём теперешнем взбудораженном состоянии я как-то об этом совсем позабыла. А тогда мне было достаточно вытянуться в постели и подумать: «... море... тёмные глубины морские...», как я там и оказывалась — в тёмной пучине океана, на большой глубине, убаюканная погружением. Когда я выросла, однако, это случалось со мной всё реже и реже и воспринималось как большой подарок. Познать бездну мрака и не бояться её, доверить себя пучине и тому, *что* может подняться из её глубин, — разве бывает подарок лучше?

Мы наблюдали, как появляются и кружат вокруг нас крошечные огоньки, и постепенно обретали чувство пространства и направления — по крайней мере, «близко — далеко», «выше — ниже». Благодаря этому мы теперь смогли ощутить различные течения. Пространство вокруг нас больше не было совершенно неподвижным, словно скованным собственным невероятным весом. Видно было очень плохо, но всё же мы поняли, что холодная тьма движется, медленно и мягко сдавливая нас, а затем, отпуская, словно давая передышку, колышется широкими волнами. Сплошная тьма медленно обтекала наши неподвижные невидимые тела, уплывала куда-то мимо нас, а может, и сквозь нас — кто её знает.

Откуда они брались, эти неясные, медлительные, широкие волны? Какой силы давление или притяжение взволновало столь мощные толщи воды, привело их в движение? Понять этого мы не могли; могли лишь ощущать

свыше 300 пианистов из разных стран. Автор ораторий, месс, симфоний, поэм, песен и романсов. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

прикосновение вод, но, напрягая все свои чувства, чтобы понять, где начало и конец этого движения, мы обнаружили нечто новое, нечто, сокрытое во тьме великих вод: *звуки*. Мы прислушались. И *услышали*.

Итак, наше ощущение пространства стало более чётким, локализовалось, поскольку звук всегда имеет конкретную исходную точку,¹⁷ в отличие от обозримого пространства. Границы звука определяет тишина, и звук не выходит за её пределы до тех пор, пока его источник не приблизится к тебе во времени и в пространстве. Встань на то же самое место, где некогда стоял певец, но не услышишь, как он пел: годы унесли в своих потоках, утопили в своих глубинах звук его гóлоса. *Звук столь же хрупок и недолговечен, как человеческая жизнь, — вспыхнет и угаснет*. А разве нам слышно, о чём говорит увиденная на небе звезда? Даже если бы космическое пространство представляло собой некую атмосферу, «эфир», способный передавать звуковые вóлны, мы не смогли бы услышать звёзды: слишком они от нас далеки. Самое большее, если хорошенько прислушаться, может, и услышишь наше солнце — штормовой гул, могучий рёв пожара, снедающего его, долетит до тебя как лёгкий, едва слышный человеческому уху шёпот. Волна морская лизнула твою ногу — где-то по ту сторону земного шара произошло извержение вулкана, породившее эту волну. Но ты стоишь здесь, на этом берегу и не слышишь ничего.

На горизонте мечутся красные языки пламени: это отражение в небе горящего на далёком материке гóрода. Но ты здесь и ничего не слышишь.

Лишь на склонах того вулкана, в пригородах того гóрода начинаешь ты слышать глухой гул извержения и пронзительные крики застигнутых пожаром людей.

И вот, когда мы поняли, что слышим, стало ясно и то, что источник слышимых нами звуков находится где-то рядом. И всё же мы могли жестоко ошибаться. Потому что были в очень странном, таинственном месте, глубоко под водой. Звук здесь слышен дальше и распространяется быстрее, а вокруг — абсолютная тишина, любой шумок слышен за сотню километров.

А это был не шорох и не шумок. Мелькающие вокруг огоньки были маленькие, а вот звуки — большие: не громкие, но какие-то беспредельно широкие. Часто эти шумы уходили за пределы человеческого восприятия и ощущались нами скорее как широкие колебания иной природы. Первый услышанный нами звук поднимался, как нам показалось, сквозь водную толщу откуда-то снизу: невероятно мощные стоны; вздохи, ощущаемые всем телом; грохот; далёкий, затруднённый шёпот.

Позже некоторые звуки пришли к нам сверху, а некоторые — из иных слоёв этой бесконечной тьмы, и это было ещё удивительнее, потому что теперь звучала *музыка*. Требовательные, влекущие, могучие звуки музыки доносились к нам из далёких далей, из тьмы, но не нас призывали они: «Где вы? Я здесь».

Это — не нам.

17 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Это голоса великих душ, великих одиноких жизней, проведённых в скитаниях. И они звали. Но редко слышали ответ. *Где вы? Куда вы ушли?*

Не отвечали истлевшие мачты, побелевшие остовы мёртвых кораблей на берегах Антарктики, на покрытых льдом островах.

Не могли ответить и мы. Но мы слышали, и слёзы закипали в наших глазах, солёные слёзы, не столь солёные, правда, как воды океанов, опоясывающих землю, бездонных, бескрайних — воды дорог морских, заброшенных ныне, по которым некогда прошли те великие жизни... Нет, слёзы наши были не столь горьки и солёны — но они были *теплее*.

Я здесь. Куда вы ушли?

Ответа нет.

Лишь глухие, едва слышные раскаты грома откуда-то снизу.

Но мы знали теперь, хоть ответить и не могли, *знали* — потому что слышали, потому что чувствовали, потому что плакали, — *что мы есть*; и мы *припомнили иные голоса*.

Назавтра вечером явился Макс. Я прошла в ванную, уселась на крышку унитаза, предварительно закрыв поплотнее дверь, и принялась играть на альте. Типы из ФБР по ту сторону своего «жучка» сначала,¹⁸ по крайней мере,¹⁹ добрых полчаса,²⁰ слушали гаммы и аккорды, а потом — вполне приличное исполнение сонаты Хиндемита²¹ для альт-соло. Ванная у нас очень маленькая, а стены кафельные, и никаких ковриков нет, так что шум получался в полном смысле слова потрясающий. Нельзя сказать, чтобы звучало хорошо — слишком сильное эхо, зато какой был *резонанс*! И я играла всё громче и громче. Сосед сверху даже постучал в потолок. Но если уж он каждое воскресенье с утра пораньше заставляет меня выслушивать от начала и до конца репортаж об очередных Всеамериканских олимпийских играх, включая свой телевизор на полную мощность, то пусть как-нибудь переживёт небольшую порцию музыки Хиндемита, время от времени доносящейся из его туалета.

Утомившись, я укутала «жучок» целой пачкой ваты и вышла из ванной комнаты наполовину оглохшая. Саймон и Макс пребывали в страшном возбуждении, прямо-таки дымились и ничего вокруг не замечали. Саймон непрерывно царапал на бумажке какие-то формулы, а Макс энергично двигал взад-вперёд руками, согнутыми в локте, как боксёр на ринге, — это у него привычка такая — и гнусаво подвывал: «*Эмиссия электронов... эмиссия электронов...*», да ещё и глаза закрыл, видно, в мыслях он уже унёсся

18 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

20 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

21 Хиндемит Пауль (1895-1963) — немецкий композитор, альтист, дирижёр, музыкальный теоретик; один из главных представителей немецкого неоклассицизма (ориг. прим.)

на много световых лет вперёд, и язык за ним не поспевал, поэтому ему оставалось лишь время от времени приборматывать²² про «эмиссию электронов» и двигать локтями.

Очень странное это зрелище, когда учёные работают головой. Как и когда музыканты играют. Я никогда не могла понять, как зрители в зале могут спокойно сидеть и смотреть на скрипача, который то закатывает глаза, то прикусывает высунутый язык; или на трубача, у которого всё время скапливается слюна; или на пианиста, похожего на чёрную кошку, привязанную к электрическому стулу. Как будто то, что зрители видят, имеет какое-то отношение к музыке.

Я несколько притушила благородный пламень их творчества при помощи кварты пива, купленного на чёрном рынке, — в государственных магазинах пиво лучше, но у меня вечно не хватало талонов на питание, чтобы позволить себе покупать на них ещё и пиво, а я не такая любительница выпивки, чтобы обходиться без еды. Благодаря пиву Саймон и Макс поостыли. И хотя Макс с удовольствием бы остался и проговорил бы всю ночь, я его выпроводила — вид у Саймона был усталый.

Я вставила в радиоприёмник новую батарейку, включила его и оставила в ванной — пусть себе играет, — а сама задула свечу и прилегла рядом с Саймоном, чтобы немножко с ним поболтать; он был перевозбуждён и всё равно не смог бы уснуть. Он сказал, что *Максу удалось решить задачи, которые мучили их до того, как Саймона отправили в Лагерь*. Макс сумел привязать уравнения Саймона к «голым фактам» (так выразился Саймон), то есть они нашли способ «прямого превращения энергии». Десять или двенадцать человек работали над этой проблемой в разное время с тех пор, как Саймон опубликовал теоретическую часть своего исследования, — ему тогда было двадцать два. Физик Анна Джонс давно уже отметила, что наиболее простым практическим применением этой теории было бы создание «солнечной ловушки» — приспособления для сбора и хранения солнечной энергии вроде «Американского Солнцегрева», который некоторые богачи устанавливают на крышах своих домов, только гораздо дешевле и лучше. Осуществить эту идею было вроде бы довольно просто, только они всё время натывались на одно и то же препятствие. И вот теперь Макссу удалось это препятствие обойти.

Я сказала, что *хотя Саймон и опубликовал свою теорию, но сделано это не по правилам*. Конечно, он никогда и не был в состоянии издать по правилам хотя бы одну из своих работ, то есть в виде настоящей книги или брошюры: ведь он не является государственным служащим и не имеет разрешения от правительства на публикацию своих работ. Однако теория его получила широкое распространение благодаря так называемому «самиздату», весьма популярному среди учёных и поэтов, которые попросту переписывают свои произведения от руки или размножают их на гектографе. Насчёт этого

22 В оригинале «прибарматывать». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

есть один старый анекдот: дескать, ФБР арестует всякого, у кого пальцы красные, потому что либо они занимались размножением нездоровых материалов на гектографе, либо у них кожная сыпь, импетиго.

Но так или иначе, а в тот вечер Саймон чувствовал себя на вершине блаженства. Чистая математика доставляет ему подлинную, ни с чем не сравнимую радость; но, с другой стороны, он вместе с Кларой, Максом и другими десять лет пытался претворить в жизнь свою теорию, а вкус собственной победы, хотя бы раз в жизни воплощённой в чём-то конкретном, — вещь всё же хорошая.

Я попросила его объяснить, что их «солнечная ловушка» значит для народных масс и, в частности, для меня как представителя этих масс. Он рассказал, что теперь можно ловить и использовать солнечную энергию при помощи одного устройства, которое сделать легче, чем самый примитивный конденсатор. Эффективность и ёмкость этой «ловушки» позволяют, например, за десять минут при солнечной погоде собрать столько энергии, что её хватит для полного обслуживания такого многоквартирного дома, как наш, в течение двадцати четырех часов, — она будет обогревать, освещать, заставлять работать лифты и тому подобное; и никакого тебе загрязнения окружающей среды — ни общего, ни термального, ни радиоактивного.

— А это не опасно, вот так эксплуатировать солнце? — спросила я.

Он воспринял этот вопрос серьёзно — в общем-то глупый вопрос, хотя, с другой стороны, ещё недавно люди считали, что эксплуатировать землю тоже совсем не опасно, — и сказал: нет, не опасно, потому что мы не будем выкачивать энергию из солнца специально, как мы поступали с землёй, когда добывали из её недр уголь, рубили лес, расщепляли атомы, а просто используем ту энергию, которая и так идёт от солнца к нам — как растения; деревья, трава, розовые кусты, они ведь всегда так и делали.

— Ты можешь назвать это Цветочной Энергией, — сказал он.

Он парил высоко, высоко в небесах, летел по воздуху, только что прыгнув с трамплина на залитой солнцем горё.

— Мы находимся во власти государства потому, — сказал он, — что наше корпоративное государство обладает монополией на источники энергии, а кругом осталось не так уж много этих источников. Но теперь любой сможет построить генератор у себя на крыше, и энергии от него будет достаточно, чтобы осветить целый город.

Я посмотрела на тёмный город за нашим окном.

— Мы могли бы полностью децентрализовать промышленность и сельское хозяйство. Техника могла бы служить жизни, а не капиталу. Каждый мог бы прожить свою жизнь по-настоящему. Энергия — это власть! ... А государство — всего лишь машина. Теперь мы могли бы лишить её энергии,

заткнуть в ней бензопровод.²³ Власть развращает; абсолютная власть развращает абсолютно. Но это справедливо только до тех пор, пока энергия в цене. Пока отдельные группы могут сохранять власть над энергией; пока они могут пользоваться своей властью над другими; пока они осуществляют духовное правление при помощи физической силы; пока прав тот, кто сильнее. Но если энергия станет бесплатной? Если все станут одинаково могущественными? Тогда каждый должен будет искать иной, лучший, чем сила, способ для доказательства своей правоты...

— Вот как раз об этом и думал господин Нобель, когда изобрёл динамит, — сказала я. — О мире на земле.

Он слетел по залитому солнцем склону горы на несколько сотен метров вниз и остановился... возле меня в облаке снежной пыли, улыбаясь.

— Почему это ты везде видишь знак смерти?!²⁴ — насмешливо сказал он. — «В тот самый час вышли персты рук человеческой и писали против лампы на извести стены чертога царского, и царь видел кисть рук, которая писала»²⁵. Лежи спокойно! Смотри, разве ты не видишь, как солнце освещает здание Пентагона, а крыш нет, солнце наконец заглянуло в коридоры власти... И они съёживаются, исчезают, и Овальный кабинет²⁶ тоже... Отключена «горячая линия» — за неуплату по счетам. Первым делом мы построим ограду вокруг той, что окружает Белый дом, и пропустим по ней электрический ток. Теперешняя ограда не даёт посторонним лицам попадать внутрь Белого дома. А новая, внешняя, не позволит тем, которые «непосторонние», оттуда выйти...

Конечно, в его словах горечи хватало. Немногие после тюрьмы способны шутить весело.

Но как же это было жестоко: поманили тебя чудным видением и признались, что нет ни малейшей надежды эту мечту осуществить. Он, разумеется, всё понял. Он всегда это знал. Даже когда в мечтах летел по залитому солнцем горному склону, знал, что *под ногами у него пустота*.

Крошечные огоньки один за другим погасли, утонули в темноте. Далёкие одинокие голоса больше не звучали. Холодные, медлительные водные струи безучастно текли мимо, лишь изредка меняя направление из-за каких-то колебаний в бездне.

Снова сгустился мрак, умолкли все звуки. Одна лишь тьма кругом — немая, холодная.

Потом взошло солнце.

23 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя, очевидно, речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

24 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

25 Дан. 5:5; Саймон имеет в виду надпись на стене, начертанную таинственной рукой: «мене, мене, теке, упарсин», появившуюся во время пира вавилонского царя Валтасара и предвещавшую, по мнению пророка Даниила, гибель Валтасара и вавилонского царства (ориг. прим.)

26 кабинет президента США в Белом доме (ориг. прим.)

Это не было похоже на восходы, которые мы вспоминали, те давние, когда с первым светом начинались разнообразные, тончайшие изменения в утреннем воздухе, в аромате цветов, когда стояла та особая тишина, которая вместо того, чтобы продлить сон, напротив, пробуждает и заставляет цепенеть от восторга и чего-то ждать, и вот из сумрака выступают очертания предметов, сначала серые, нечёткие, совершенно на себя не похожие, словно всё это только ещё создаётся — далёкие горы на фоне восточного края неба, твои собственные руки, седая от росы трава, полная неясных теней, штора на окне с таинственной тёмной складкой у самого пола — и за мгновение до того, как ты уже вполне уверен, что снова по-настоящему видишь всё вокруг, видишь, что вернулся свет, что начинается день, раздаётся первая короткая и нежная, пока незавершённая трель просыпающейся птицы. А потом! Голоса птиц сливаются в единый мощный хор: «*Это моё гнездо, это моё дерево, это моё яйцо, это мой день, это моя жизнь, вот и я, вот и я, да здравствую я! Я — здесь!*»

Нет, восход, что мы видели сейчас, был вовсе не похож на те, что вспоминались нам. Он был *абсолютно безмолвен*, и он был *голубым*.

Во время тех восходов, давних, что вспоминались нам, появление самого света как-то не ощущалось — ты замечал лишь отдельные предметы, которых этот свет коснулся и сделал видимыми, те, что рядом с тобой. Они становились видимыми вновь, словно способность быть видимыми принадлежала им самим, а вовсе не была даром восходящего солнца.

Но восход, который мы наблюдали теперь, был воплощением одного лишь света, свет был его сутью. Собственно, даже и не свет, а скорее *цвет*: голубой.

Местонахождение источника этого света нельзя было определить по компасу. Он не казался светлее на востоке — не было там ни востока, ни запада. Был только верх и низ, пространство *над* тобой и *под* тобой. Внизу была тьма. Голубой свет исходил сверху. Яркость его постепенно уменьшалась. В самом низу, там, где стихали раскаты сотрясающей бездну бури, свет угасал совсем, постепенно превращаясь из синего в фиолетовый, а потом — в непроницаемую тьму.

Мы поднимались вверх, а навстречу нам, подобно струям водопада, падали лучи света.

Восход этот скорее напоминал какой-то волшебный, неземной снегопад. Свет, казалось, распадался на отдельные частицы, бесконечно малые пылинки, опускающиеся очень медленно, невесомые, гораздо легче сухих снежинок тёмной морозной ночью и гораздо меньше. И пылинки эти были голубые. Того мягкого, ласкающего взор голубого цвета, который чуть отливает сиреневым. Такого цвета бывают тени на айсбергах или полоска неба, проглянувшая между свинцовыми снеговыми тучами зимним днём. Голубизна эта была неяркого, но очень живого оттенка — цвет далека, цвет холода, самый несхожий в спектре с цветом солнца.

В субботу вечером они устроили у нас в квартире целую научную конференцию. Разумеется, пришли Клара и Макс, а ещё инженер Фил Драм — тот самый — и трое других, что работали над созданием «солнечной ловушки». Фил Драм был очень собой доволен, потому что как раз успел закончить одну из этих штук — солнечную батарейку — и захватил её с собой. Я думаю, что Макс или Саймону сделать *такое* и в голову бы не пришло. Как только они осознавали, что сделать что-либо возможно в принципе, результат этот их и удовлетворял, и они тут же начинали заниматься новой проблемой. А Фил распелёнывал своё детище, так умиленно над ним приговаривая, что тут же посыпались шутки: «О, господин Ватсон²⁷, не уделите ли нам, простым смертным, минутку внимания?», или «Эй ты, новоиспечённый Уилбур²⁸, что это ты всё в облаках витаешь?²⁹», или ещё «Слушай, психопат, ты зачем сюда столько грязи натащил? Ну-ка выкини всё вместе с этой мерзостью за окошко!», и ещё дикий вопль «Уй-уй, жжётся, жжётся, ай-яй-яй!» Последнее принадлежало Макс, который действительно здорово смахивал на доисторического человека. А Фил в это время объяснял, что уже экспериментировал со своей батарейкой, — она в течение минуты собирала солнечную энергию в городском парке. Это было в четыре часа дня, и шёл лёгкий дождик. Поскольку с четверга в западной части города электричество не отключали, то мы могли испытать батарейку, не вызывая подозрений.

Фил подсоединил шнур от настольной лампы к своей батарейке, и мы выключили свет. Лампочка горела раза в два,³⁰ по крайней мере,³¹ ярче, чем прежде, на полные свои сорок ватт — городская электросеть, разумеется, никогда не обеспечивала полного накала. Мы смотрели во все глаза. Это была настольная лампа, купленная в дешёвеньком магазине, из какой-то якобы «золотой» железки и с пластиковым белым абажуром.

— Ярче тысячи солнц³², — прошептал со своей постели Саймон.

— Неужели, — сказала Клара Эдмондс, — мы, физики, попав в пустыню Син³³, умудрились выйти из неё невредимыми?

— Да уж, это-то никак не используешь для изготовления бомб, — мечтательно произнёс Макс.

27 намёк на сэра Роберта Александра Ватсона-Ватта (р. 1892) — шотландского физика (ориг. прим.)

28 Уилбур Ричард (р. 1921) — американский поэт (ориг. прим.)

29 В оригинале восклицательный знак вместо вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

30 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

31 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

32 высказывание американского физика Роберта Оппенгеймера (1904-1967), руководившего в 1943-1945 гг. созданием атомной бомбы и ставшего противником создания бомбы водородной. Американский писатель-фантаст Роберт Юнг взял это высказывание в качестве названия для своей книги, вышедшей в 1958 г., где описывается ядерный взрыв на атолле Бикини (ориг. прим.)

33 пустыня Син — часть Аравийской пустыни между Суэцким заливом и Синайским полуостровом; именно здесь, согласно Ветхому Завету, израильтяне были накормлены манной небесной и спасены (ориг. прим.)

— Бомбы! — презрительно воскликнул Фил Драм. — Бомбы —³⁴ это старо. Ясно ведь, что с такой энергией в руках мы горы можем сдвинуть! Вот возьмём Маунт Худ, перенесём на другое место и снова аккуратненько на землю опустим. Да мы можем антарктические льды растопить, можем реку Конго заморозить. Или утопить материк. *Дайте мне точку опоры, и я переверну шар земной!* Что ж, Архимед, вот ты и получил свою точку опоры. Солнце.

— О господи, — простонал Саймон, — «жучок», Бэлл!

Дверь в ванную была закрыта, и я заранее обернула «жучок» ватой, но Саймон был прав: если его друзья и дальше собираются продолжать в том же духе, то, чтобы их заглушить, лишний источник шума не помешает. И хотя мне очень приятно было смотреть на них в ярком свете настольной лампы — у них у всех были очень хорошие, интересные, отмеченные страданием лица, в чём-то похожие на отполированные временем деревянные поручни надёжного моста над стремительным горным потоком, — мне не слишком хотелось слушать в эту ночь, *как они говорят*. И вовсе не потому, что сама я к их науке никакого отношения не имею, вовсе не потому, что мне что-то не нравилось в их теориях, или я не была с чем-то согласна, или не верила их планам. Нет! Просто их замечательные, их прекрасные речи причиняли мне боль. Потому что *эти люди не имели права даже радоваться вслух сделанной ими работе, своему удивительному открытию — наоборот, они должны были прятаться и говорить об этом шёпотом. Даже на улице, к солнцу, они со своим открытием не могли выйти!*

Я взяла альт, пошла в ванную, села на крышку унитаза и довольно долго играла этюды. Потом попыталась немного поразучивать свою партию из трио Фореста, но эта музыка показалась мне какой-то слишком жизнеутверждающей. Я сыграла соло для альты из «*Гарольда в Италии*», эта музыка прекрасна, но настроение было всё же не то. Они там, в комнате, продолжали шуметь. И я начала импровизировать.

Поиграв несколько минут вариации в ми-миноре, я заметила, что лампочка над зеркалом начала слабеть, тускнеть, потом совсем потухла. Значит, снова отключили электричество. Но настольная лампа в комнате не погасла — она ведь была подсоединена к солнцу, а не к тем двадцати трём атомным электростанциям, которые снабжали электроэнергией Большой Портленд — и если бы через две секунды кто-то её не выключил, мы остались бы единственным светящимся окном в целом районе Вест-Хиллз. Я слышала, как они там возились в поисках свечей и чиркали спичками, а сама продолжала импровизировать в темноте. В темноте, когда не видно всех этих холодных и блестящих кафельных поверхностей, звук кажется мягче, а эхо не таким гулким. Я продолжала играть, и даже что-то стало получаться целостное. Все законы гармонии, казалось, объединились вдруг и запели под ударами смычка. Струны альты словно были моими собственными голосовыми связками, напряжёнными от горя, настроенными на предельную радость. Мелодия создавалась сама — из воздуха, из энергии солнечных лучей, она

34 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

взмывала над долинами, и с этой высоты маленькими казались горы и холмы, от этой музыки распрямлялись спины калек, сами исчезали нагромождения валунов с полей. А музыка летела дальше, и вот она запела над морским простором и *в глубине вод над бездной*.

Когда я вышла из ванной в комнату, все они сидели смирно и никто не разговаривал. Макс явно плакал. Я видела, как отражается пламя свечей в каплях слёз у него на щеках. Саймон лежал в затенённом углу на своей постели, и глаза его были *закрыты*. Фил Драм сидел, сгорбившись и держа в руках свою солнечную батарейку.

Я немного ослабила струны, положила альт и смычок в футляр и откашлялась. Я страшно растерялась и не находила слов. В конце концов я пробормотала что-то вроде «*извините*».

Тогда раздался голос одной из женщин: эта была Роза Абрамски, подпольная ученица Саймона, крупная застенчивая женщина, застенчивая настолько, что вообще почти всегда молчала или выражала свои мысли при помощи математических формул.

— Я *видела это*, — сказала она. — Я *видела его*. Я видела белые башни и воду, струящуюся по их стенам, омывающую их и возвращающуюся в море. И солнечным светом залитые улицы — после десяти тысяч лет тьмы.

— Я *слышал их*, — прошептал в своём углу Саймон, — я слышал их голоса.

— О господи! Прекратите! — выкрикнул Макс, вскочил и, спотыкаясь, ринулся в неосвещённый коридор, забыв надеть пальто. Мы слышали, как он прогрохотал по лестнице.

— Фил, — спросил Саймон, — а мы могли бы поднять эти белые башни вновь — с нашим рычагом и с нашей точкой опоры?

Фил Драм долго не отвечал, потом сказал:

— Да, сила для этого у нас есть.

— Тогда что же нам нужно ещё? — сказал Саймон. — Неужели этого мало?

Ему никто не ответил.

Голубой цвет изменился. Он стал ярче, светлее и в то же время в него словно чего-то добавили. Неземное голубовато-сиреневое свечение сгустилось и превратилось в некую яркую бирюзовую оболочку. И всё же нельзя было сказать, что внутри неё всё окрашено одинаково, хотя бы потому, что вокруг нас по-прежнему не было ничего. Ничего, кроме этого бирюзового цвета.

Цвет продолжал меняться. На бирюзе, окружавшей нас, появились какие-то прожилки, она становилась всё более хрупкой, прозрачной, почти совсем исчезла, и возникло ощущение, что мы заключены внутри священного нефрита или иного драгоценного камня — сверкающего сапфира или изумруда.

Здесь всё было недвижимо, как это и должно быть внутри кристалла. Зато стало кое-что видно: мы как бы разглядывали застывшую структуру молекулы драгоценного камня. В ровном и ярком сине-зелёном свете отчётливо проступали плоскости и углы, не отбрасывающие тени.

Это были стены и башни города, его улицы, окна домов, ворота.

Они явно были нам знакомы, но мы никак не могли их узнать. Не осмеливались. Ведь это было так давно, столько прошло времени... И это было так странно... Мы часто предавались мечтам, когда жили в этом городе. Ложились спать у окна, засыпали, и ночи напролёт нам снились сны. И всем нам тогда снилось одно и то же: океан, глубины морские. А может, и теперь это был всего лишь сон?

Иногда далеко, глубоко-глубоко под нами вновь прокатывался с рокотом гром, но теперь он звучал тише, глуше; так же тихо и глухо ворочались в нас воспоминания о страшной грозе, о том, как содрогалась земля, сверкал огонь, рушились башни — тогда, давно. Но ни далёкий рокот, ни эти воспоминания сейчас в нас страха не вызывали. Они были нам знакомы.

Сапфировый свет над головой посветлел и превратился в зелёный, точнее, в зеленовато-золотистый. Мы глянули вверх. Вершины самых высоких башен слепили глаза, сверкая в сиянии света. Улицы и дверные проёмы были темнее, более чётко очерчены и спокойнее воспринимались глазом.

По одной из этих, словно сделанных из тёмного прозрачного камня улиц двигалось *нечто*, состоящее не из геометрически правильных прямых и углов, а, наоборот, из сплошных кривых. Мы дружно повернулись — медленно, медленно — и стали смотреть на это *нечто*, подивившись, с какой медлительной и плавной лёгкостью и с какой свободой совершаем теперь свои движения. Красивыми волнообразными толчками, то собираясь в комок, то вытягиваясь изящной дугой, *нечто* вполне целенаправленно и значительно быстрее, чем раньше, проплыло через улицу от глухой садовой стены к нише одного из дверных проёмов. Там,³⁵ в тёмно-голубой тени его некоторое время было трудно разглядеть. Мы смотрели и ждали. Вот одна бледно-голубая дужка появилась на верхней планке двери. Потом вторая и третья. *Нечто* прилепилось или повисло прямо над дверью и было похоже на спутанные в узел серебристые нити или на странно гибкую, словно без костей, кисть руки, один дугообразный палец которой показывал небрежно куда-то вверх. Там на стене было что-то очень похожее на это существо, только неподвижное. Резьба! Резное изображение на стене, залитой нефритовым светом. Барельеф из камня.

35 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Нежно и легко длинный извивающийся щупалец следовал изгибам резьбы — восемь ножек-лепестков, круглые глаза. *Узнавало ли существо собственное изображение?*

Вдруг морское существо оторвалось от своего резного двойника, собралось в мягкий узелок и метнулось вдоль по улице, прочь от дома, быстрыми волнообразными толчками. Позади него осталось неплотное облачко более тёмного голубого цвета, повисело минутку и растаяло, и вновь стала видна резная фигурка над дверным проёмом: морской цветок, *каракатица*, быстрая, большеглазая, изящная, неуловимая, — любимый символ, вырезанный на тысячах стен, изображённый на карнизах, тротуарах, разнообразных ручках и рукоятках, запечатлённый на крышках ларцов с драгоценностями, на полах в спальнях, на гобеленах, на столешницах, на воротах...

Вдоль по другой улице, примерно на уровне окон второго этажа, двигалось переливающееся облачко, состоящее из сотен серебряных пылинок. Единым движением все они повернули к перекрёстку и, поблёскивая, исчезли в тёмно-голубой тени.

И тени там теперь уже были.

Мы посмотрели вверх и стали подниматься — над перекрёстком, где исчезли крошечные серебристые рыбки, над улицами, где текли нефритово-зелёные воды и лежали синие тени. Мы всплывали, поднимая лица, изо всех сил стремясь к вершинам башен нашего города. Они стояли во весь рост, эти рухнувшие некогда башни. Они сверкали всё сильнее в разливающемся сиянии — здесь, наверху, уже не голубом и не сине-зелёном, а золотом. Высоко над ними, над гладью моря обширным лёгким куполом вздымался восход.

Мы здесь. Когда мы вырвемся за пределы сверкающего круга в реальную жизнь, воды отхлынут назад и устремятся белыми потоками вниз по белым стенам башен, сбегут по крутым улочкам и вернуться в море. Капли воды будут сверкать на тёмных волосах, на веках и ресницах, прикрывающих тёмные глаза, а потом высохнут, оставив после себя тоненькую плёнку соли.

Мы здесь.

Чей это голос? Кто звал нас?

Он был со мной двенадцать дней. Двадцать восьмого января «чины» из Бюро Здравоохранения, Образования и Благополучия явились к нам и сказали, что *поскольку Саймон получает Пособие по Нетрудоустроенности, а сам страдает от серьёзного заболевания и не лечится, то о нём вынуждено позаботиться правительство; правительство обязано вернуть ему здоровье, так как здоровье — это неотъемлемое право всех граждан демократического государства.* Саймон отказался дать письменное согласие, поэтому все бумаги подписал за него начальник

отдела здравоохранения. Встать Саймон тоже отказался, тогда двое полицейских подняли его с постели силой. Он попытался было сопротивляться, но начальник Отдела Здравоохранения прицелился в него из пистолета и заявил, что *если он будет упорствовать, то его просто пристрелят, поскольку он противится улучшению своего благосостояния. А меня арестуют за укрывательство и обман правительства.* Тот тип, что скрутил мне рúки за спиной, прибавил, что *арестовать меня ничего не сто́ит в любую минуту — по обвинению в необъявленной беременности и в намерении создать семейную ячейку.* Услышав это, Саймон прекратил всякое сопротивление. Собственно говоря, он всего лишь упорно пытался высвободить свои рúки из их лап. Он посмотрел на меня, и его тут же увели.

Сейчас он в Федеральном госпитале в Сейлеме. Я так и не смогла узнать, обычный это госпиталь или психушка.

Вчера снова передавали по радио, что в южной части Атлантического океана и на западе Тихого со дна поднимаются огромные части сýши. Ещё как-то раз у Макса я смотрела специальный телекомментарий по поводу геофизических возмущений, всяких там сдвигов и сбросов. Геодезическое Управление США пованешало по всему городу разных плакатов, чаще всего встречается огромная доска с надписью **ЭТО НЕ НАША ВИНА!** и портретом бобра, который лапкой указывает на карту-схему материка и говорит, что *даже если в Орегоне и случится более сильное землетрясение, чем в прошлом месяце в Калифорнии, то Портленда оно не коснётся, самое большее — затронет лишь его западные пригороды.* В передаче новостей также сообщалось, что цунами во Флориде собираются останавливать при помощи ядерных бомб, сбрасывая их примерно там, где раньше находился Майами. Позднее Флориду намерены воссоединить с материком при помощи искусственных насыпей. Уже объявлено насчёт застройки на территории насыпей. Президент пока находится в Скалистых горах, где для него построен новый Белый дом на высоте примерно одного километра. Это в Аспене, штат Колорадо. Не думаю, чтобы это убежище ему здорово помогло. Плавающие дома́ и лодки, приспособленные для жилья, продаются на реке Уиламит по полмиллиона долларов. Поезда́ и автобусы в южном направлении из Портленда уже не ходят, потому что железные доро́ги и шоссе сильно повреждены подземными толчками и оползнями ещё на прошлой неделе. Придётся готовиться к пешему походу в Сейлем. У меня сохранился рюкзак, который я купила тогда для отпуска в Диком Краю́. Мне удалось достать некоторое количество сушёных бобов и изюма — пришлось отдать всю книжку талонов на питание за февраль в Федеральный Распределитель Продуктов; а ещё Фил Драм сделал для меня маленькую походную плитку, работающую от его солнечной батарейки. Примус тащить с собой было уж очень не с руки́, слишком здоровый, а мне так хотелось прихватить свой альт. Макс дал мне полпинты бренди. Когда бренди кончится, я, наверно, засуну эти записки в бутылку, закрою её покрепче и оставляю где-нибудь на склоне горы́ между Портлендом и Сейлемом. Мне нравится представлять, как она потихоньку поднимется вместе с водой, а потóм, кружась, уплывёт в тёмную морскую пучину.

Где вы?

Мы здесь. А куда ушли вы?

© **Урсула Кроубер Ле Гуин**

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

Apocalypse

«Новая Атлантида»

© Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин

edit: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	12-13.08.2017
Время редактирования:	01:37:59
Количество сохранений:	41

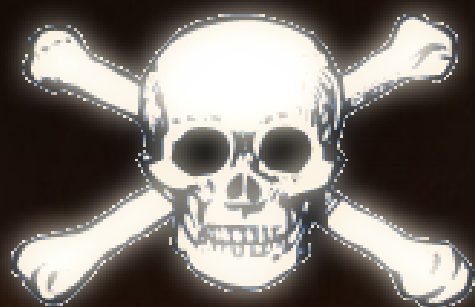
Общее количество страниц:	34
Общее количество абзацев:	272
Общее количество слов:	11299
Общее количество символов:	73888

Copyright © by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © перевод И. Тогоева

Copyright © 02.11.2000 OCR & spell-check by HarryFan, fenzin

Copyright © 12-13.08.2017 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Apocalypse